

Например, в словопроизводстве характеризующих лично-одушевленных наименований неударенные и ударенные суффиксальные форманты обладают равными деривационными возможностями. В речевой практике почти каждое производное лично-одушевленное существительное с суффиксами -ух-, -уш-, -ах-/-ях-, -аш-/-яш-, -ан-, -яг-, -уг-/-юг- может функционировать с расширенным за счет вторичного присоединения суффикса -к(а) формантом. Ср.: *хитрюга* – **хитрюжка*¹, *торопыга* – **торопыжка*, *плакуша* – **плакушка*, *копуша* – **копушка*, *коняга* – **коняжка*, *трудога* – **трудожка*, *стиляга* – **стиляжка*, *говоруша/говоруша* – **говорушка*, *горюша/горюша* – **горюшка*. И наоборот: суффиксально удвоенные форманты, присоединенные к основам лично-одушевленных существительных, легко членятся на составляющие, в результате чего появляются экспрессивные окказиональные редериваты: *попрыгушка* – **попрыгуха*, *дурнушка* – **дурнуха*, *трепушка* – **трепуха*, *врушка* – **вруха*, *болтушка* – **болтуха*, *хохотуши-*

ка – **хохотуха*, *замарашка* – **замараха*, *зубряжка* – **зубряга*.

Вероятность подобного рода редеривации поддерживается на современном этапе активным проникновением в литературный язык периферийных жаргонно-просторечных элементов, в том числе словообразовательных моделей, характерных для жаргонной речи, в частности словопроизводственных образцов с суффиксами -ух(а) (ср. *кликуха*, *чернуха*, *развлекуха*, *стипуха*), -яг(а) (*блатяга*, *тюряга*, *пилотяга*, *пленяга*) и др. (см.: [8, с. 301; 9, с. 74]).

Таким образом, любое производное слово, любая словообразовательная модель и словообразовательная категория коммуникативны по своей природе, находятся в постоянном взаимодействии с текстом и дискурсом. Вместе с тем типы этого взаимодействия различны и многообразны и требуют тщательного, многоаспектного изучения. Значительный интерес представляет, в частности, выявление соотношенности (обусловленности) деривационных моделей и процессов с различными типами и жанрами дискурса.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
2. Земская Е.А. Функциональный подход к изучению деривационных морфем // Морфемика: Принципы и методы системного описания. Л., 1987.
3. Урынсон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4.
4. Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов, 2000.
5. Бондарко А.В. О значениях видов русского глагола // Вопросы языкознания. 1990. № 4.
6. Аксаков К. О русских глаголах. М., 1855.
7. Золотова Г.А. Новая русская грамматика: идеи и результаты // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. М., 1998.
8. Земская Е.А., Ермакова О.П., Рудник-Карват З. Активные процессы в словообразовании современных славянских языков (на материале русского и польского языков) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. М., 1998.
9. Юсупова Н.Г. К вопросу о стилистических свойствах морфем // Проблемы русской морфемики. Орехово-Зуево, 1995.

Л.А. Калимуллина

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА)²

Башкирский государственный университет

Многоаспектный анализ моделей семантической деривации в настоящее время признается одним из перспективных направлений семасиологических исследований [см. 1; 2]. На наш взгляд, такой анализ может быть весьма плодотворным в том случае, когда его объектом выступает та или иная совокупность языковых единиц, связанных систем-

ными формально-смысловыми отношениями, например ЛСГ, семантическое поле и т.п. Такое исследование позволяет выявить и описать случаи регулярной многозначности, которые могут стать отправной точкой для углубленного изучения семантических универсалий, носящих как абсолютный, так и статистический характер. При этом осо-

¹ Звездочкой помечены не зафиксированные словарями формы.

² Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «РГНФ–Урал» №06-04-84403а/У.

бую актуальность представляет анализ специфики семантических (прежде всего, метафорических) переходов в сфере предикатной лексики, в том числе и эмотивной. Закономерности вторичной (метафорической) номинации эмоций в разных языках изучены довольно хорошо (см., например: [3–7]), однако такой анализ проводится в основном с учетом синхронного состояния того или иного языка. Изучение же типов метафорического переноса с опорой на факты диахронии позволяет реализовать динамический подход к семантической деривации, который раскрывает роль процесса метафоризации в становлении и развитии как лексико-семантической системы в целом, так и отдельных ее фрагментов [8, с. 12]. Объектом исследования в настоящей работе являются вторичные эмотивные предикаты в древнерусском языке, рассматриваемые с точки зрения их системной организации.

Как полагают исследователи, образная интерпретация «непредметного» мира наиболее активно осуществляется с участием таких метафорических макросистем, как «натуралистическая» (человек и природа), «пространственная» (человек и пространство) и «социальная» (человек и другие люди) [8, с. 68]. Зафиксированный нами фактический материал позволяет несколько уточнить и дополнить данный тезис. Так, в древнерусском языке высокой продуктивностью отличается «натуралистическая» модель метафоризации эмоций, при этом наиболее важным источником семантической деривации выступают языковые единицы, которые в своем основном значении репрезентируют понятийную сферу «Человек». Можно утверждать, что данная сфера не только является доминирующей, но и в целом предопределяет специфику вторичной номинации эмоций в древнерусском языке. В процессе метафоризации оказываются задействованными широкие слои конкретной и абстрактной лексики, обозначающей различные аспекты физической, духовной, социальной жизнедеятельности человека. Среди наиболее продуктивных моделей семантического сдвига, лежащих в основе вторичных предикатов эмоций в древнерусском языке, можно выделить следующие:

1. «**Физиологическая сфера человека** → **эмоциональная сфера**». Парадигма вторичных эмотивов, эксплицирующих данную модель, является весьма широкой по составу и включает в себя лексемы, прямое значение которых отражает разнообразие представления о человеке как биологическом организме (его состояниях, потребностях и т.п.). Рассматриваемая модель представлена рядом подтипов:

1. Наибольшую продуктивность обнаруживает такая разновидность метафорического переноса, как «**физиологическое (сенсорное) ощущение** → **эмоция**», благодаря которой эмоциональные явления интерпретируются через ассоциации с соматическими ощущениями, состояниями человека, их каузацией и т.д. Довольно показательным примером в данном случае служит модель семантической деривации «**вкусовое ощущение** → **эмоция**»: поскольку с органом вкуса напрямую связано пищеварение, то в образном представлении эмоций активно участвуют лексемы, обозначающие принятие пищи и жидкости: *питатися, питѣтися*¹ '1. питаться, кормиться, получать пищу; 3. наслаждаться; 5. быть любимым, пользоваться ласкою', *насыщатися* '1. пить или есть досыта; утолять голод, жажду; 2. получать что-л. в изобилии, наслаждаться чем-л.', *насытитися* '1. утолить голод, насытиться; 3. насладиться', *наладитися* '1. чего, чем, без доп. съесть, отведать чего-л.; насытиться (тж. перен.); 2. чего, чем, о чем, о ком вкусить (вкушать) что-л., насладиться/наслаждаться чем-л., получать радость, удовлетворение от чего-л.' (ср. болг. *насяда се* 'насладиться'), *врѣдъ* '1. пища; 4. страсть', *пища* 'питание, пропитание; 3. блаженство, наслаждение', *питание* '2. то, чем питаются, пища; 5. блаженство, наслаждение', *пищѣнии* '1. относящийся к пище, пропитанию; 3. доставляющий блаженство, радость' и др.: *Вакхе и Сергие же, вы бо на земли пострадавши, на нбсхъ ликуета, съ бесплѣтными бо присно престоюща Трци и сия же славы наслаждаща ся радуета ся*. Мин. окт., 45. 1096 г. [9, с. 251]. Не менее важным по степени продуктивности является такой тип семантического сдвига, как «**болевое ощущение** → **эмоция**». Его репрезентантами, прежде всего, выступают лексемы *болѣти* '1. болеть; 2. мучиться, страдать духовно, морально // о ком, чем, за кого беспокоиться, испытывать тревогу, страдать о ком-л., чем-л.' // с кем страдать, сочувствовать' (ср. пол. *boleć* II nad kimś, *czymś* 'скорбеть о ком-л., чем-л.', *ubolewać* nad kimś *czymś* 'сожалеть о ком-чем, сострадать кому-чему', чеш. *boleti* '1. болеть (причинять боль); 2. перен. огорчать, причинять боль', болг. *боля* только 3 л. '2. болеть // перен. страдать, мучиться', редко *болея* 'болеть // страдать, беспокоиться'), *болѣзновати* '1. болеть; 2. о ком, чем беспокоиться, испытывать тревогу, страдать о ком-л., чем-л. // к кому, чему испытывать сострадание к кому-л., чему-л.', *нездрави ти* '1. болеть, быть больным; 2. испытывать боль (душевную), терзаться', *възбѣснѣти* '1. взбеситься, заболеть бешенством; 2. безумствовать, неис-

¹ Здесь и далее графика и орфография древнерусских слов максимально приближена к современной. Толкования значений сохраняются в том виде, в каком они представлены в лексикографических источниках. При указании на письменные памятники XI–XIV вв. используются принятые в исторических словарях сокращения.

товствовать', *болБзнь* '1. болезнь; 2. душевное страдание, скорбь, мука', *кручина* 'болезнь // желчь // вспыльчивость, раздражительность', *болБзньный* '1. больной, болезненный; 2. мучительный, тягостный // печальный, скорбный' (ср. пол. *bolesny* '1. болезненный, мучительный; 2. скорбный, печальный') и т.д.: *болБзнь убо есть еже враждовати и не мирь имЪти... кая болБзнь еже зъла не решити никому же*. Изб 1076, 92 об. [10, с. 292]. Довольно регулярно в процесс метафоризации включается лексика, обозначающая целенаправленное физическое воздействие, вызывающее болевые ощущения. При этом одни лексемы обозначают каузацию боли, не дифференцированной с точки зрения связанного с ней органа чувств: *сътомити* '1. истомить, изнурить; 2. опечалить', *сушити* '1. иссушать, изнурять (плоть); 2. мучить, изводить', *казнити* '1. подвергать (подвергнуть) наказанию, карать (покарать) // мучить', *мучение* '1. причинение страданий, истязание; 2. перенесение страданий, боль, мука' и т.п. (ср. пол. *potęszyc* '1. утомить, измучить (многих); 2. jakiś czas помучить', болг. *мъчение* 'мука, страдание, мучение'); другие же – воздействие на органы осязания (повреждение кожного покрова, ранение колющим, режущим оружием и т.п.), которое провоцирует болезненные ощущения, например: *уразити* '1. ударить; 5. опечалить' (ср. пол. *urazać się* '1. ушибаться (больным местом); 2. перен. обижаться'), *шибити* '1. ударить; 2. поразить', *бостити* '1. колоть // бить, ударять рогами // наносить раны, убивать остроконечным оружием; 2. мучить', *уязвити* '1. нанести раны, изранить; 8. утратить', *язва* '1. рана, язва; 3. печаль, досада', *рана* '1. порез тела, повреждение тела до крови; 5. печаль, беда' (ср. чеш. *zraniti* '1. ранить, поранить; 2. ушибить; 3. перен. уязвлять, задевать, причинять страдание', болг. *раня* '1. ранить; 2. перен. ранить, задевать, обидеть кого-л.; нанести душевную рану'), *мозоль* '1. рубец (рубцы) на теле от раны или язвы; 4. образно страдания, раны' и т.п.: *оного сила бодуци дшу мою непрестанно, въздвиже вл(д)ку умъ* ЖВИ XIV–XIV, 76 [10, с. 299]; *ИцЪли, прЪхвальная, дша моеи мозоли*. Мин. сент., 0139. 1096 г. [11, с. 235]. Как можно заметить, система переносов этого типа строится по достаточно четко организованной схеме: «Болезненное состояние ассоциируется с эмоциональным дискомфортом (душевными, нравственными мучениями, тревогой, смятением, страхом, скорбью и т.п.). Физическое воздействие на объект, связанное с причинением боли, ассоциируется с каузацией эмоционально, психологически дискомфортного состояния. Само ощущение боли, рана, нарыв воспринимаются как источник нравственного страдания, беспокойства и т.п.» [8, с. 154]. Наконец, в пределах рассматриваемой модели метафоризации

эмоций выделяется такой тип семантического сдвига, как «*тактильное ощущение* → *эмоция*». К примеру, в древнерусском языке были представлены метафорические эмотивы, семантика которых фиксирует ассоциативные параллели между тактильным контактом и эмоциями: *касатися* '1. до-трагиваться до кого-л., касаться; 3. подвергать оскорблениям', *коснути* '1. тронуть, коснуться // перен. затронуть, задеть' и др.: *Аще убо что коснетъ дшу нашу, потъчимъся помянути слово влѣкы нашего*. ПНЧ 1296, 34 [12, с. 271]. Поскольку в значении данных предикатов сема интенциональности является факультативной, они могут обозначать как целенаправленную, так и нецеленаправленную каузацию эмоций.

2. «*Перцептивный процесс* → *эмоция*». Данная модель семантической деривации, в первую очередь, представлена такой своей разновидностью, как «*зрительное восприятие* → *эмоция*», например: *зрѣти* '1. видеть, воспринимать зрением; 3. смотреть с завистью, зариться', *зазърѣти* '1. увидеть; 3. позавидовать', *прЪзърѣти* '1. осмотреть, окинуть взглядом; 2. пренебречь, презреть, отвергнуть' (ср. чеш. *přezíratí* '1. книжн. со смотреть сквозь что-л., через что-л.; 2. koňo презирать кого-л.; пренебрегать кем-л.'), *позоръ* '1. то, что представляется взору, зрелище; 3. стыд, позор' (ср. болг. *позор* 'позор') и др.: *Блюди, еда по земьному помышляя, прЪзриши убогаго*. Сбор. 1076 г. л. 43 [13, с. 1650]. Как можно заметить, для древнерусского языка характерно наличие незначительного числа вторичных эмотивов, которые в своем основном значении являются номинантами зрительного восприятия, что можно объяснить следующим: органы зрения, в процессе филогенеза сформировавшиеся позже других, наиболее тесно связаны с интеллектом, поскольку именно они способствовали становлению последнего. Напротив, деятельность органов вкуса и осязания, которые с генетической точки зрения являются самыми древними, обусловлена сугубо физиологическими факторами и непосредственно не связана с разумом. Как отмечает известный психолог Р. Грегори, «чувства вкуса и прикосновения прямо передают биологически важную информацию: предмет твердый или горячий, съедобный или несъедобный. <...> Эта информация важна и помимо опознания объектов. Возникает ли в руке ощущение ожога от пламени спички, раскаленного утюга или струи кипятка, разница невелика – рука отдергивается во всех случаях. Главное – ощущается жгучее тепло; именно это ощущение передается непосредственно, природа же объекта может быть установлена позднее. Реакции такого рода примитивны, субперцептивны; это реакции на физические условия, а не на сам объект. Опознание объекта и реагирование на него появля-

ются гораздо позднее» [14, с. 10–11]. Именно поэтому эмоции, в которых интеллектуальный компонент отходит на второй план, а физиологический играет весьма важную роль, ассоциируются прежде всего не со зрительным восприятием, а со вкусовыми и тактильными ощущениями.

В рамках рассматриваемой модели метафоризации обращает на себя внимание и такой ее тип, как «**слуховое восприятие** → **эмоция**», который в древнерусском языке реализуется с помощью весьма ограниченного числа лексем, например: *тихий* ‘1. тихий, негромкий; 3. спокойный’, *тишина* ‘1. тишь, тишина; 2. мир, спокойствие’ (ср. чеш. *ztišení* ‘1. затихание; утихание; 2. перен. успокоение’), *тишат* ‘1. утихать; 2. успокаиваться’ (ср. чеш. *ztišiti* ‘1. приглушить (звук); 2. перен. успокоить, утихомирить’) и др.: **Въ тишинѢ пребываетъ душа и въ мирѢ глубокоѢ**. Никиф. м. Посл. Влад. Мон. 62 [15, с. 965]. Невысокая продуктивность данной модели семантического переноса, как и в предыдущем случае, объясняется внеязыковыми факторами, а именно филогенетической спецификой слухового восприятия. Как считают исследователи, слух у человека и животных – это второй (после зрения) по пропускной способности канал восприятия информации [16, с. 104], весьма тесно связанный с речемыслительной деятельностью. Интеллектуальная основа слухового восприятия проявляется в том, что в отличие от животного, которое производит звуковые сигналы и реагирует на слышимые сигналы, но не анализирует их, человек вслушивается в произносимые звуки и регулирует процесс звукообразования, т.е. управляет этим процессом [16, с. 106]. Вследствие этого ассоциативная параллель между слуховым восприятием и эмоциональными процессами, возникновение которых во многом обусловлено сферой бессознательного, представляется менее естественной, чем связь последних с физиологическими ощущениями.

II. «**Физическая сфера человека** → **эмоциональная сфера**». Данная модель семантической деривации представлена следующими частными типами:

1. «**Физическое действие** → **эмоция**»: *заимати* I ‘1. брать, захватывать; 4. задевать, обижать’, *попирати* ‘1. попирать, топтать; 2. презирать; 3. оскорблять’, *запалити* ‘1. зажечь, поджечь; 2. перен. зажечь, взволновать, возбудить’ (ср. пол. *zapalać się* ‘1. зажигаться, загораться; 2. воодушевляться, вдохновляться’, *zapał* ‘энтузиазм, воодушевление, пыл’), *давити* ‘1. давить, сдавливать // перен. теснить, мучить’, *умащати* ‘1. умащать; 2. услаждать’ (ср. чеш. *omastiti* ‘1. подмаслить; смазать маслом; промаслить; 3. перен. кому со огорчить кого-л. чем-л.’), *възварити* ‘1. заварить; 2. возмутить, рассорить’, *мясти* ‘1. перемешивать, смешивать; 4. сму-

щать, беспокоить, тревожить’ (ср. чеш. *másti* ‘1. пугать, спугивать; 2. приводить в замешательство; сбивать с толку’), *смущати* ‘1. смешивать, примешивать; 4. возбуждать, волновать; 5. смущать, приводить в смущение’ (ср. болг. *смущавам* ‘смущать; вызывать смущение’), *тъкнути* ‘1. воткнуть; укрепить, установить; 5. поразить, удивить’ (ср. пол. *dotknąć kogo-czego* ‘1. дотронуться до кого-чего, прикоснуться к кому-чему; 3. обидеть, задеть’; чеш. *dotknouti se* ‘1. дотронуться, коснуться; 3. перен. задеть за живое, уязвить’), *остритися* ‘1. быть точимым, стачиваемым; оттачиваемым; 2. возбуждаться, вдохновляться’ (ср. болг. *наостря* ‘1. наточить; отточить; 2. перен. настроить враждебно’) и др.: **Мудрыхъ сердца умашающе**. Мин. 1096 г. (окт.) л. 38 [15, с. 1204]. Особое место внутри рассматриваемой парадигмы занимают единицы «физической» лексики, имеющие деструктивную семантику: *съкрушати* ‘1. разбивать, ломать; 3. мучить, терзать’ (ср. болг. *съкрушавам* ‘1. сокрушать; 2. перен. сокрушать, огорчать кого-л.’), *съкрушатися* ‘1. быть разрушаемым; 2. печалиться’ (ср. болг. *съкрушавам се* ‘сокрушаться, печалиться, огорчаться’), *съкрушение* ‘1. разрушение; 4. сокрушение, печаль’ и т.д. Высокая продуктивность данного типа метафорического переноса обусловлена тем, что большинство указанных лексем обозначает разнообразные действия, совершаемые человеком по отношению к объектам внешнего, материального мира (в том числе и артефактам), взаимодействие с которым играет весьма важную роль в процессе жизнедеятельности людей. При этом в семантике данных единиц имплицитно отражаются наиболее релевантные коллективные знания о различных аспектах предметного мира. Важно подчеркнуть также, что рассматриваемые вторичные эмотивы представляют собой преимущественно каузативные предикаты, обозначающие интенциональное воздействие на эмоциональную сферу. С точки зрения онтологии эмоций эту содержательную особенность эмотивов можно объяснить следующим образом. Практически все рассматриваемые языковые единицы в своем прямом значении называют физические действия человека, направленные на различные видоизменения реальных вещного мира (их формы, структуры, размеров и т.д.). Такие действия, как правило, являются эффективными и предполагают реальный результат, который в большинстве случаев доступен наблюдению. Поэтому благодаря ассоциативной связи, устанавливаемой в наивно-языковом сознании между физическим действием и каузацией эмоций, при обозначении последних в фокусе внимания оказывается целенаправленность эмоционального воздействия на объект-пациент.

2. «**Движение** → **эмоция**»: *шататися* ‘1. блуждать; 2. волноваться’, *мястися* ‘1. носиться, беспо-

рядочно перемещаться; метаться; 3. смущаться, беспокоиться, тревожиться' (ср. чеш. *másti se* 'путаться, сбиваться; приходиться в замешательство'), *колѢбатися* '1. колебаться, раскачиваться, трястись; 2. испытывать потрясения, пребывать в состоянии тревоги, неуверенности; быть взволнованным', *подвижитися* '1. сдвинуться, удалиться; 3. взволноваться', *обинутися* '1. уклониться; 2. бояться', *восколѢбатися* '1. начать колебаться, колыхаться; 2. прийти в смятение, волнение', *въздвигати* '1. поднимать что-л.; 4. восстанавливать кого-л. против кого-л.', *двигнути* '1. сдвинуть, переместить, передвинуть; 2. тронуть, обидеть', *въставити* '1. поднять; 2. возбудить', *поступити* '1. сдвинуться с места; шагнуть, ступить; 9. притеснить, обидеть', *зыбати* '1. толчками колебать, сотрясать что-л. // перен. заставлять кого-л. колебаться, приводить в состояние смятения', *колѢбанье* '1. колебание, содрогание, сотрясение; 2. тревога, опасности, потрясения' (ср. болг. *колебание* '2. перен. колебание, нерешительность'), *обиновение* '1. обход, отклонение (от прямого пути); 2. перен. колебание, отклонение; страх, опасение' и мн. др.¹: **Всею силою моею работах оцю ваю, оць же ваю поступи на мя и измѣни мзду мою.** Палея Толк.², 108. 1477 г. – XIII в. [17, с. 265]; **Чтобы его не замали... чтобъ его** [митрополита] **нихто не двигнуль, ни коней его не имали.** СГГД II, 12. 1357 г. [18, с. 182]. Следует отметить и такой тип семантического сдвига, как «**движение физических объектов → эмоция**», смежный с указанным; ср.: *въноватися* 'находиться в колебательном движении, вызывающем волны // перен. находиться в возбужденном состоянии // перен. свирепствовать, буйствовать', *възтрепетати* '1. начать дрожать, сотрясаться; 2. утрашиться', *въмутити* '1. привести что-л. в движение, волнение; 2. вызвать беспокойство, расстроить, взволновать', *движение* '1. движение; 2. волнение, смущение', *поносъ* '1. движение (небесных тел); 4. стыд, позор', *възмущение* '1. движение, волнение; 2. смущение, волнение', *трусъ* '1. землетрясение; 2. трепет' и др.: **Правдою възградишися, удалися от неправеднааго, и не убоишися, и трусь не приблизится тебѣ.** Ис. LIV. 14 (Упыр.) [15, с. 1013]. Логика семантической деривации в данном случае представляется вполне прозрачной, если иметь в виду следующее высказывание А.Н. Афанасьева: «Нога, которая приближает человека к предмету его желаний, обувь, которою он при этом ступает, и след, оставляемый им на дороге, играют весьма значительную роль в народной символике. Понятиями движения, поступи, следования определялись все нравственные действия человека» [19, с. 31]. Несколько расширив данную формулировку,

можно утверждать, что указанный символический смысл имеет отношение не только к нравственной, но и к эмоциональной сфере.

III. «**Социальная сфера человека → эмоциональная сфера**». Данная модель метафорического переноса менее характерна для сферы вторичной номинации эмоций в древнерусском языке, что подтверждается наличием небольшого числа ее лексических репрезентантов. Вероятно, этот факт можно объяснить тем, что социальные аспекты эмоций являются второстепенными, неярко выраженными, а потому образную интерпретацию чувств сквозь призму социальных характеристик человека можно назвать мало актуальной. Данная модель семантического сдвига объединяет ряд частных типов, в том числе:

1. «**Трудовая деятельность, занятия человека → эмоция**»: *тружатися, трудитися* '1. работать, трудиться; 2. страдать' (ср. чеш. *truditi se* книжн. '1. работать до изнеможения; 2. огорчаться'), *страдати* '1. работать, трудиться; 4. страдать, мучиться; 5. сострадать' (ср. чеш. *strádati* 'страдать'), *лѢноватися* '1. медлить, делать неохотно, лениво; 2. пренебрегать', *праздновати* '1. справлять, устраивать праздник; торжественно отмечать какое-л. знаменательное событие; 2. радоваться, ликовать', *трудъ* '1. труд, работа; 2. страдание; 3. скорбь, горе', *страдание* '1. труд, подвиг; 3. мучение; 4. срам, позор' (ср. чеш. *strádání* 'лишения, страдание', болг. *страдание* 'страдание') и др.: **Къ умилению и утѣшению болящихъ и страждущихъ братъ нашихъ.** Панд. Ант. XI в. л. 215 [15, с. 532].

2. «**Социальный конфликт → эмоция**»: *мятежь* '1. волнение, смута; 6. смущение, волнение, возбуждение', *крамола* '1. мятеж, бунт, смута; 2. раздор, несогласие, вражда', *ратьныи* '1. относящийся к войне; 2. в ссоре, во вражде находящийся', *въоружити* '1. снабдить оружием, снаряжением для войны; 2. (в том числе на кого) посеять в ком-л. вражду против кого-л.' и т.п.: **Мужъ же бесѣвѣтенъ самъ себѣ ратень.** Панд. Ант. XI в. л. 176 [15, с. 109].

3. «**Речевое действие → эмоция**»: *жалити* I '1. упрекать кого-л., выражать недовольство кому-л., роптать; 2. скорбеть по ком-л., печалиться о ком-л.', *жаловати* '1. жаловаться, негодовать по поводу чего-л.; 2. проявлять жалость, сострадание; жалеть, беречь' (ср. пол. *żalować* 'жалеть', болг. *жалеть* 'жалеть кого-л., оплакивать кого-л.; горевать, печалиться'), *каторатися* '1. с кем спорить, препираться; 2. враждовать; 3. гневаться, сердиться', *клятися* '1. давать клятву; обещать что-л. с клятвой; клятвенно утверждать или отрицать что-л.; 4. гнушать-

¹ В состав данной группировки включаются и такие предикаты, которые в своем основном значении представляют движение как действие.

ся', *луковати* '1. лукавить, лгать, изворачиваясь перед кем-л.; 3. кем проявлять пренебрежение по отношению к кому-л., смеяться над кем-л.', *похулити* '1. осудить; 2. обидеть; 4. унижить, презреть', *сварити* '1. бранить, укорять; 3. оскорблять', *прѣпирати* '1. убеждать; 4. попирать, унижать', *увѣщевати* '1. убеждать, склонять; 2. утешать, радовать', *утолити* '1. убедить, уговорить; 2. успокоить', *намолвити* '1. подговорить (подговаривать), склонить (склонять) к чему-л.; 2. привести в замешательство, вызвать смятение', *умоление* '1. просьба; 2. утешение', *жалование* '1. жалоба; 2. печаль, скорбь', *укоризна* '1. укор, порицание; 6. унижение; 7. презрение; 8. стыд, позор', *лаи* '1. брань, ссора; 2. оскорбление' и др.: **Вси человекѣ мною кленутся, а утѣщающаго не обрѣтохъ.** (Сл. о расслабл. Кир. Тур.) Пон. I, 152. XV–XIV вв. – XII в. [20, с. 193]. Отнесение данного типа метафорического переноса к модели семантической деривации «социальная сфера человека → эмоциональная сфера» обусловлено тем, что первичное значение указанных лексем связано с номинацией социально значимых речевых актов, осуществляемых в условиях межличностного взаимодействия.

IV. «**Психологическая сфера человека → эмоциональная сфера**». В рамках данной модели семантического сдвига наибольший интерес представляет такой тип метафоризации, как «**волеизъявление → эмоция**», который эксплицируется целым рядом лексических единиц, например: *желати* '1. желать, жаждать; 3. жалеть, горевать', *възжелѣти* '1. пожелать, захотеть; 2. заботиться, любить', *похотѣти* '1. захотеть, пожелать; 3. позавидовать', *охвотитися* '1. захотеть; 2. возрадоваться' (ср. пол. *rozochocić się* '1. развеселиться'), *послужити* '1. выполнить чью-л. волю; подчиниться, послушаться; 8. оказать уважение, почтить', *неключимовати* '1. отвергать, отвергнуть; 3. презреть', *осклабитися* II '1. проявить уступчивость, податливость, нетвердость; 2. смягчиться', *хотѣние* '1. воля; 2. любовь; 3. благоволение' и т.д.: **И пришедь къ Антониеви... рыдаешеть к нему о своихъ напастехъ... Антонию, то слышавъ, осклаби ся и съжали ся ему.** Флавий. Полон. Иерус. I, 42. XV–XI вв. [21, с. 94]. Направление семантических преобразований в данном случае довольно легко поддается логическому объяснению, если иметь в виду интегративный характер психической деятельности, обуславливающий неразрывную взаимосвязь эмоциональных и волевых процессов в ходе познания окружающего мира. Аналогичным образом может быть истолковано и наличие такого типа метафоризации, как «**интеллектуальный процесс → эмоция**», довольно ярко представленного в русском языке старшей поры: *изумѣтися* '1. обезуметь, потерять рассудок; 2. изумиться // недоумевать, сом-

неваться', *облазнитися* '1. ошибиться, впасть в ошибку; 2. оскорбиться', *прѣльщатися* '1. заблуждаться; 3. смущаться', *недоумѣние*, *изумѣние* '1. безумие, безрассудство; 2. изумление', *разумѣ* '1. способность познавать и мыслить; 9. сочувствие', *недомышление* '1. непонятность, непостижимость; 3. смятение', *облазнь* '1. ошибка, заблуждение; 2. обида' и т.п.: **и иде с ними в цркв(ь)... они же во изумѣнии бывше, удививше(с) похвалиша службу ихъ.** ЛЛ 1377, 37 (987) [12, с. 117].

В древнерусском языке еще одним источником образных переосмыслений в рамках «натуралистической» метафорической системы выступает лексика, относящаяся к понятийной сфере «Природный и предметный мир». Эмотивы, первичное значение которых отражает различные представления о вещных реалиях, в отличие от рассмотренных выше, реже подвергаются метафоризации, однако удельный вес этих единиц внутри вторичных номинантов эмоций все же довольно велик. Среди наиболее продуктивных моделей семантического переноса, имеющих отношение к указанной понятийной сфере, отметим следующие:

1. «**Характеристика животных / растений → эмоция**»: *лаяти* '1. лаять; 3. злобствовать, неистовствовать', *укротитися* '1. быть укрощенным; 2. успокоиться', *хапати* '1. хватать, кусать, жалить; 4. терзать, мучить; 5. отвергать, презирать' (ср. болг. *захавтам* '1. кусать // перен. разг. задевать, обижать'), *изѣдати* '1. съедать, пожирать (о животных); 5. перен. уязвлять кого-л.', *лютии* '1. дикий, свирепый (о животных); 2. злой, злобный; безжалостный, жестокий; 3. тяжелый, трудный; причиняющий мучения, страдания' (ср. чеш. книжн. *lity* 'лютый, свирепый, неукротимый', болг. *лют* '1. острый, горький, крепкий; 5. перен. вспыльчивый, горячий'), *звѣрообразие* '1. вид, обличье зверя; 2. свирепость, жестокость'; *цвѣсти* '1. цвести; 2. быть ясным, веселым', *сверѣнии* '1. дикий, растущий без обработки; 2. дикий, злой, яростный' (ср. болг. *свиреп* '1. свирепый, кровожадный; 2. перен. свирепый, ожесточенный; неистовый') и т.д.: **Декии же... въ блатѣ утопе съ своимъ снмъ, достоину муку своего звѣрообразья уполучивъ.** Хрон. Г. Амарт., 318. XIII–XIV вв. – XI в. [22, с. 353].

2. «**Изменение физических характеристик предметов и субстанций → эмоция**»: *распахатися* '1. вспыхивать, разгораться; 2. разъяриться', *загоратися* '1. начинать гореть; 2. перен. оказываться охваченным сильным чувством, внезапной мыслью', *растаяти* '1. растаять, растопиться; 3. опечалиться', *раздѣратися* '1. разорваться; 2. прийти в смятение', *трухлыи* '1. подгнивший, ветхий; 2. угрюмый, печальный' (ср. чеш. уст. *truchlý* 'печальный, грустный') и пр.: **Абие трухль бысть Антипатръ.** Иос. Флав. В. Иуд. 1. 28. 3 [15, с. 1013].

Помимо репрезентации «натуралистической» метафорической системы в древнерусском языке широкое отражение находят ассоциативные параллели между эмоциями и абстрактными реалиями. Так, в метафорическом представлении эмоций активно участвуют оценочные лексемы, вторичное значение которых определяется следующими моделями семантической деривации:

1. «**Этическая оценка → эмоциональная сфера**»: *злыи* '1. злой; 3. недоброжелательный, злобный, враждебный; 4. причиняющий боль, вред; мучительный, болезненный', *добрыи* '1. добрый // миролюбивый; не склонный к вражде, ссорам', *хульнии* '1. достойный порицания, хулы; 4. презирающий; 5. презренный; 6. гнусный, противный', *любочьтивыи* '1. честолюбивый; 3. почтительный, благоговейный', *кротькыи* 'кроткий, покорный, тихий, скромный, незлобивый // печальный, горький', *благохвальныи* '1. воздающий хвалу, прославляющий, хвалебный; 3. радостный, бодрый духом', *зъло I, зълоба* '1. все дурное, плохое, злое; 2. злость, злоба, вражда' (ср. чеш. *zloba*, болг. *злоба* 'злоба'), *зъль* '1. зло, лукавство, грех; 2. страсть', *доброта* '1. добродетель // отзывчивость, сочувствие, дружеское расположение к кому-л.', *накость* '1. вред, зло; 2. обида', *скаредие* '1. скверность, мерзость; 3. печаль, тоска', *любочьстие* '1. стремление к почестям, тщеславие; 2. уважение, почет, почитание', *щедрота* '1. милость, милосердие; 2. благорасположение', *чьсть* '1. честь, почет; 2. уважение; 5. благоговение' (ср. пол. *cześć* 'почет, уважение; почитание', чеш. *čest* '2. честь, почет'), *благоумие* '1. благоразумие, благонравие; 2. благожелательность, благоволение', *рвьниие* '1. ревность, усердие; 4. зависть' и др.: *глиции... миръ съ ближними своими, зло же въ ср(д)цихъ ихъ*. ПНЧ XIV, 178а [23, с. 409].

2. «**Утилитарная оценка → эмоциональная сфера**»: *драгыи* '1. дорогостоящий, ценный; 2. высокоценный, уважаемый, почитаемый; 3. милый, дорогой' (ср. чеш. *drahý* '2. перен. дорогой, милый, любимый', болг. *драг* 'дорогой; милый'), *льгыни* '1. выгода, польза; 2. облегчение', *льгота* '1. польза; 3. спокойствие' и т.д.: *Душа бо сдѢ казнима, всяко в будущии судъ милость обрящеть и лгыню отъ муки*. Лавр. л. 6745 г. [13, с. 66].

3. «**Эстетическая оценка → эмоциональная сфера**»: *красьныи* '1. красивый, прекрасный; 2. хороший, прекрасный; приятный, милый // радостный, приятный, сладостный', *прекрасьныи* '1. прекрасный, очень красивый; 3. дивный, удивительный, чудесный', *възрачьныи* '1. приятный на вид; 2. доставляющий удовольствие', *краса, красота* '1. красота; 3. радость', *удобрение* '1. украшение; 3. успокоение', *красоватися* '1. привлекать внимание своей красотой; быть заметным, выделяться своей красотой; 2. радоваться, наслаждаться' и др.: *Къто не увидѢвъ яко же достоино видѢти красоту гню*. Гр. Наз., 165. XI в. [24, с. 15].

Рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод о том, что в древнерусском языке вторичная (метафорическая) номинация эмоциональных явлений носила довольно закономерный характер. Это заключение позволяет несколько скорректировать высказанное еще Ф. де Соссюром мнение о том, что свойством системности характеризуется лишь синхронное состояние языка. На наш взгляд, регулярность семантических переносов, подтверждаемая многочисленными примерами из области диахронии, свидетельствует о том, что по отношению к любому периоду развития того или иного национального языка можно вести речь о его системной организации.

Список условных обозначений

болг. – болгарское; книжн. – книжное; перен. – уст. – устаревшее; чеш. – чешское; переносное; пол. – польское; разг. – разговорное;

Литература

1. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: Проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
2. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
3. Апресян Ю.Д. «Природные процессы» в сфере человека // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / Сост. и отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2003.
4. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.
5. Лебедева Е.К. Метафора как средство описания внутреннего эмоционального состояния человека // Общая стилистика и филологическая герменевтика. Тверь, 1991.
6. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен. Семантика и сочетаемость. М., 2000.
7. Kövecses Z. Metaphors of Anger, Pride and Love. A Lexical Approach to the Structure of Concepts. Amsterdam / Philadelphia, 1986. VI, 147 p.

8. Балашова Л.В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX вв.). Саратов, 1998.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1984.
10. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1. М., 1988.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1983.
12. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 4. М., 1991.
13. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т.: Репринт. изд. Т. 2. М., 1989.
14. Грегори Р.Л. Разумный глаз. М., 1972.
15. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т.: Репринт. изд. Т. 3. М., 1989.
16. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Учебное пособие. М., 2004.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1978.
19. Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. М., 1982.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1982.
21. Там же. Вып. 13. М., 1987.
22. Там же. Вып. 5. М., 1979.
23. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 3. М., 1990.
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1982.

О.Г. Щитова

РЕКОНСТРУКЦИЯ НЕИСКОННОЙ ЛЕКСИКИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ВОЕННОЕ ДЕЛО» В ТОМСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ XVII ВЕКА

Томский государственный педагогический университет

Изучение тематических особенностей неисконной лексики позволяет выявить зоны соприкосновения и взаимного обогащения культур разных этносов. По нашим наблюдениям, лексика военного дела является одной из тематических групп, репрезентированных в XVII в. значительным количеством неисконных номинаций [1]. Причиной этого явились экстралингвистические факторы общерусского и регионального характера.

В начале XVII в. со стороны московского правительства отмечается стремление привлечь в Московское государство побольше иностранцев, пожелавших жить в России. Особенно увеличилось количество иностранцев в Москве с тех пор, как правительство решилось на вербовку за границей целых полков из иностранцев и на формирование в России полков иноземного строя из своих русских людей. В результате перехода от старых форм военного устройства к регулярным европейским в Москве был создан офицерский корпус европейского образца, значительная часть которого состояла из профессионалов военного дела с Запада.

Возведение Томского острога XVII в. соответствовало программе освоения Сибири, осуществлявшейся московским правительством. Русские поселенцы оказались во враждебном окружении и были вынуждены защищать свои рубежи от набегов местного (тюркоязычного) населения. В то же

время было очевидно стремление вновь прибывших в Сибирь подданных наладить добрососедские отношения с аборигенами и использовать в своих интересах их военные навыки и достижения.

Целью данной работы является реконструкция неисконной военной лексики западноевропейского происхождения и ее анализ в историко-этимологическом аспекте на фоне военной лексики тюрко-монгольского происхождения.

К неисконной лексике мы относим заимствования, а также дериваты с заимствованной производящей основой. Дериваты, созданные на базе заимствований, имеют статус собственно русских языковых единиц, однако, поскольку их корни по своему происхождению восходят к иноязычным прототипам, мы рассматриваем такие слова как неисконно русские.

В качестве источника изучения русской разговорной речи XVII в. служат деловые памятники указанного периода. Работа выполнена на материале томских деловых документов допетровской эпохи: приходных, расходных и таможенных книг, челобитных служилых людей и крестьян, отписок томских воевод, расспросных и пыточных речей, грамот и др. В процессе семантизации лексических единиц были использованы в качестве дополнительных источники более широкого ареала: сибирские деловые документы и памятники других территорий Московского государства, откуда приезжа-